

КЕРЧЕНСКИЙ ИНЦИДЕНТ: ИНТЕРЕСЫ БЕЗОПАСНОСТИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Павел Гудев*

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений (ИМЭМО РАН)

DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-78-102

Аннотация События 23–26 ноября 2018 г. в акватории Черного моря у входа в Керченский пролив привели к задержанию Россией кораблей военно-морских сил Украины с военными моряками. Этот кризис поставил перед экспертным сообществом РФ, Украины и третьих стран ряд непростых вопросов. Насколько легитимными с точки зрения международного права были действия российской стороны? Не превысила ли она своих полномочий? Имела ли место заранее спланированная провокация украинской стороны? Кто несет большую ответственность за произошедший инцидент? К каким политико-правовым последствиям он может привести? Данная статья посвящена поиску ответов на эти вопросы.

**Ключевые
Слова** Керченский пролив, Керчь-Еникальский канал, Азовское море, Конвенция ООН по морскому праву, Международный трибунал по морскому праву, Постоянная палата третейского суда, юрисдикция, иммунитет, военные корабли, право мирного прохода, режим государственной границы

Title The Kerch Strait incident: security interests and international law

Abstract The November 23-26, 2018 developments in the Black Sea near the entrance to the Kerch Strait led to detention of the Ukrainian Navy ships with sailors by Russia. This crisis poses a number of difficult questions to the expert communities from Russia, Ukraine, and third countries. How legitimate were Russian actions, from the point of international law? Did Russia exceed its authority or not? Was the incident a pre-planned provocation by the Ukrainian side? Who bears greater responsibility for the incident? What political and legal consequences can this incident have? The article addresses these questions.

Keywords Kerch Strait, Kerch-Yenikalski Canal, Azov Sea, UN Convention on the Law of the Sea, International Tribunal for the Law of the Sea, Permanent Court of Arbitration, jurisdiction, immunity, warships, right of innocent passage, border regime

I. Иммунитет военных кораблей

Еще до кризиса ноября 2018 г. в акватории Черного моря у входа в Керченский пролив в задачи Пограничной службы Федеральной службы безопасности (ПС ФСБ) России входило недопущение каких-либо провокационных

* Гудев Павел Андреевич – ведущий научный сотрудник Центра североамериканских исследований ИМЭМО РАН, к.и.н.

Pavel Gudev is a lead researcher at the Centre for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow.

действий вблизи Керченского моста, обеспечение безопасности судоходства в проливе и предотвращение угрозы мосту со стороны украинских катеров.

Такого рода опасения некоторым могут показаться надуманными. Не следует, однако, забывать о том, что украинские политики самого высокого уровня не просто выступали против строительства Керченского моста, но и напрямую угрожали организовать его подрыв или минирование. Более того, риторика киевских властей относительно Крымского п-ова в ряде случаев выглядит как призывы к террористической/диверсионной деятельности. На этом фоне оценка региональным руководством ПС ФСБ серьезности ситуации была оправданной.

Можно также предположить, что украинская сторона сознательно шла на создание провокационной ситуации, заставляя российских пограничников действовать максимально жестко. Такие действия были напрямую связаны с перспективой введения тогдашним украинским руководством военного положения на части территории страны с целью повлиять на результат запланированных на весну 2019 г. президентских выборов. Хотя этот план не был в полной мере реализован, украинская сторона получила определенные «дивиденды» от кризиса: так, он дал повод вновь объявить Россию агрессором со ссылкой на статью 3 Резолюции 3314 Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Определение агрессии». Статья 3, в частности, содержит положение о том, что, независимо от объявления войны, в качестве акта агрессии квалифицируется любое из следующих действий: «с) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства; d) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы, или морские и воздушные флоты другого государства».¹ Вопрос, однако, состоит в том, насколько правомерными и «заслуженными» были репутационные издержки, понесенные Россией в результате этого кризиса.

К сожалению, приходится констатировать, что обеспечение безопасности в данном случае было поставлено выше соблюдения норм и положений как обычного, так и договорного международного права. Россия фактически создала второй по значимости прецедент ситуации, когда иностранные военные корабли (в данном случае катера) были задержаны в мирное время другим государством, а их команда помещена под арест и подвергнута судебному разбирательству за нарушение режима государственной границы.

Предыдущий резонансный инцидент такого рода имел место в 2012 г., когда власти Ганы арестовали в своем порту аргентинское учебное парусное судно, принадлежавшее военно-морским силам (ВМС) Аргентины. Поводом стало решение ганского суда, который встал на сторону американского фонда, пострадавшего в 2001 г. от дефолта Аргентины и требовавшего конфискации судна в свою пользу.² Аргентинские власти сразу обратились в Международный трибунал по морскому праву, в сфере компетенции которого находятся такие споры.³ Трибунал полностью поддержал позицию Аргентины и предписал немедленно освободить задержанное судно вместе с его командой.⁴

Аргументация аргентинской стороны строилась на следующих основаниях. Во-первых, в Международной конвенции об унификации некоторых правил, касающихся иммунитета государственных судов (1926 г.) и в Дополнительном протоколе к ней от 1934 г. четко зафиксировано, что иммунитетом пользуются военные суда, государственные яхты, патрульные, санитарные, вспомогательные, снабженческие суда, а также иные суда, принадлежащие или эксплуатируемые государством и используемые им на правительственной некоммерческой службе.

Такие суда не подлежат конфискации, аресту или задержанию и не могут быть объектом судопроизводства.⁵

В статье 32 «Иммунитет военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях» Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. также зафиксировано, что: «за исключением случаев, предусмотренных в подразделе А и в статьях 30 и 31, ничто в настоящей Конвенции не затрагивает иммунитета военных кораблей и других государственных судов, эксплуатируемых в некоммерческих целях».

Аргентина особо указывала на то, что статья 32 Конвенции ООН по морскому праву является устоявшейся нормой общего международного права и что в рамках международного обычного права, признанного в Конвенции 1982 г., иммунитет военных кораблей как особый тип иммунитета является полным.⁶ Аргентина также апеллировала не только к тому, что любой обладающий иммунитетом военный корабль наделен правом мирного прохода через территориальное море прибрежного государства, но и к тому, что такое право предполагает возможность как входа во внутренние воды прибрежного государства, так и выхода из них. Соответственно, иммунитет военных кораблей и иных судов на государственной некоммерческой службе действует во всех предусмотренных конвенцией морских зонах и действует в пределах как 12-мильного территориального моря, так и внутренних вод государства.⁷

В противовес позиции Аргентины, Гана настаивала на том, что в пределах внутренних или портовых вод военные корабли не обладают таким же иммунитетом, каким они наделены в пределах территориального моря и других морских зон в рамках Конвенции ООН по морскому праву.⁸ С точки зрения Ганы, иммунитет военных кораблей существует в рамках общего международного права, а не Конвенции 1982 г. Соответственно, трибунал как орган, созданный конвенцией, не имеет юрисдикции по отношению к инциденту, произошедшему во внутренних водах. Эту позицию, согласно которой действие иммунитета в различных морских зонах неодинаково и допускать каких-либо ограничений суверенитета прибрежного государства в пределах внутренних вод нельзя, в своих отдельных мнениях поддержали двое судей из состава трибунала.⁹

Решение трибунала, тем не менее, было вынесено в пользу Аргентины. В частности, было еще раз подтверждено, что «военный корабль является олицетворением суверенитета того государства, чей флаг он несет».¹⁰ Принципиально важно то, что, по мнению трибунала, этот иммунитет действует во всех морских зонах, в т.ч. во внутренних водах, находящихся под полным суверенитетом прибрежного государства. Таким образом, статья 32 Конвенции 1982 г. в данном случае трактовалась как устоявшаяся норма международного обычного права – так называемый международный обычай,¹¹ следовать которому должны абсолютно все государства и который направлен на защиту интересов ВМС от попыток прибрежного государства распространить свою юрисдикцию на иностранные военные корабли.¹² Соответственно, «любое действие, направленное на приостановку миссии корабля с помощью силы, является источником конфликта, который может угрожать добрым отношениям между государствами».¹³

Исходя из этого, вне зависимости от совершенного украинскими катерами нарушения, их остановка, осмотр и задержание с применением оружия, а также дальнейшее конвоирование катеров и буксира ВМС Украины в порт Керчь и помещение украинских моряков в заключение представляли собой явное нарушение норм международного – как обычного, так и договорного права. Принимая во внимание решение трибунала по делу Аргентины против Ганы,

представляется совершенно не важным то, в каких акваториях разворачивалось российско-украинское противостояние: в территориальном море или во внутренних водах РФ. Упомянутые выше действия, включая применение оружия, были возможны лишь в отношении задержанных в коммерческих перевозках гражданских судов любых видов за конкретные правонарушения.

В соответствии с положениями статьи 30 Конвенции 1982 г., «если какой-либо военный корабль не соблюдает законов и правил прибрежного государства, касающихся прохода через территориальное море, и игнорирует любое обращенное к нему требование об их соблюдении, прибрежное государство может потребовать от него *немедленно покинуть* [курсив автора – П.Г.] территориальное море».

В Конвенции 1982 г., правда, не уточняется, как заставить военный корабль соблюдать законы и правила прибрежного государства и немедленно покинуть территориальное море. Международное право допускает применение оружия, но лишь в самом крайнем случае и после использования всех иных, прежде всего политико-дипломатических, методов.¹⁴

II. Украина и Международный трибунал по морскому праву

31 марта 2019 г. украинская сторона решила обратиться в Международный трибунал по морскому праву с иском против РФ о незаконности задержания трех украинских кораблей, с целью добиться введения так называемых временных мер.¹⁵ Позиция Украины строилась именно на том, что налицо нарушение иммунитета военных кораблей и вспомогательного судна, а также иммунитета тех 24 моряков, которые находились на их борту. Тем самым, с точки зрения официального Киева, Россия не просто нарушила ряд положений Конвенции ООН по морскому праву (статьи 32, 58, 95, 96), но и действовала вопреки устоявшимся нормам международного обычного права, которые являются обязательными для исполнения всеми членами международного сообщества. Действительно, иммунитет военных кораблей и судов на государственной некоммерческой службе – это норма, возникшая в самом начале 1800-х годов, которая была чуть позднее признана на уровне доктрины права, а затем кодифицирована как в Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. (статья 22), так и в Конвенции об открытом море 1958 г. (статьи 8 и 9).¹⁶ Украинская сторона отмечала, что команды кораблей и военно-вспомогательных судов Военно-морского флота (ВМФ) России сами должны быть заинтересованы в гарантировании принципа иммунитета, поскольку время от времени осуществляют плавание в зонах, находящихся под суверенитетом или же юрисдикцией других прибрежных государств.

Более того, сравнивая данную ситуацию с вышеупомянутым задержанием властями Ганы аргентинского парусника “Ara Libertad”, украинские эксперты пришли к выводу о том, что в их случае имело место более серьезное нарушение. Украинские моряки были заключены под стражу и подвергнуты уголовному преследованию, на них оказывалось психологическое давление; катера оказались без команды и некому было их обслуживать; катера получили повреждения. Таким образом, Киев выдвигал обвинения как практического, так и гуманитарного характера.¹⁷

Украинская сторона поставила под сомнение утверждение ПС ФСБ России о секретном характере попытки прохода. Аргументация Киева состояла в том, что украинские катера были своевременно идентифицированы еще на подходе к

государственной границе РФ и с ними велись переговоры по радиоканалам, что свидетельствовало о практической невозможности какого-либо «прорыва» через Керченский пролив, принимая во внимание его узость. Украинская сторона также отмечала, что заблаговременно не получала данных о закрытии пролива и что расчехленные орудия на катерах (в данном случае украинских) – это стандартная практика как для украинских, так и для российских военных моряков. Приведение орудий в положение под углом в 45 градусов трактовалось как свидетельство мирных намерений, так как в данной позиции они не могли бы вести огонь на поражение. К тому же, учитывая объективное превосходство сил и средств ПС ФСБ и ВМФ России, украинским катерам не было никакого смысла идти на эскалацию. Наконец, статья 30 Конвенции ООН по морскому праву не придает законной силы требованию «остановиться», на чем настаивали экипажи кораблей ПС ФСБ России. В статье 30 упоминается лишь о требовании «немедленно покинуть территориальное море», что украинские катера и пытались сделать перед тем, как были обстреляны, остановлены, задержаны и конвоированы в порт Керчь.¹⁸

III. Позиция России

Россия, с одной стороны, согласна с тем, что акватория Керченского пролива и Азовского моря продолжает оставаться целостным хозяйственным и природным комплексом, используемым в интересах России и Украины. Эта позиция была зафиксирована в Договоре 2003 г. о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива,¹⁹ согласно которому Украина, безусловно, обладает определенными правами в области судоходства, а значит, и правом прохода через Керчь-Еникальский канал (КЕК). В период до вхождения Крыма в состав РФ именно украинская сторона контролировала и регулировала судоходство в зоне пролива на основе «Правил плавания судов Керчь-Еникальским каналом и подходными каналами к нему».²⁰ Однако впоследствии Министерство транспорта РФ ввело практически идентичные украинским правила, оформленные Приказом № 313 от 21 октября 2015 г. «Об утверждении Обязательных постановлений в морском порту Керчь».²¹ Содержавшиеся в этих правилах требования о заблаговременном предупреждении о проходе за 48, 24 и 4 часа были проигнорированы украинской стороной. Более того, в интересах обеспечения безопасности судоходства Россия закрыла определенный район перед Керченским проливом для осуществления права мирного прохода в связи с тем, что из-за шторма там скопилось более 150 судов, в том числе с опасными грузами.²²

Непосредственной же причиной, приведшей к задержанию украинских катеров, стала цепочка событий. Во-первых, украинская сторона неоднократно, в т. ч. накануне событий ноября 2018 г., пыталась организовать провокации в указанном районе. Во-вторых, попытка осуществления «секретного» прохода была подтверждена наличием соответствующей записи в бортовом журнале украинского катера. В-третьих, расчехление орудий было однозначно воспринято российской стороной как крайне недружественный акт. В результате украинские катера и буксир были задержаны ПС ФСБ, а украинским морякам были предъявлены обвинения в нарушении режима государственной границы РФ (статья 322 Уголовного кодекса).

Россия склонна квалифицировать произошедший инцидент в контексте военной деятельности. Дело в том, что международные судебные инстанции (Международный Суд ООН, Международный трибунал по морскому праву,

Арбитраж и Специальный арбитраж), предусмотренные Конвенцией ООН по морскому праву, наделены полномочиями по рассмотрению исков исключительно в отношении споров, касающихся толкования или применения данной конвенции или связанного с ее целями международного соглашения (статья 288). При этом, в соответствии со статьей 298, прибрежное государство может не признавать предписанные конвенцией механизмы урегулирования споров, связанных с делимитацией морских границ и историческими заливами или правооснованиями; касающихся *военной деятельности* [курсив автора – П.Г.], а также деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции; наконец, споры, в отношении которых Совет Безопасности ООН осуществляет функции, возложенные на него Уставом ООН.

В ходе ратификации конвенции в 1999 г. Украина заявила о том, что не приемлет, «если иное не предусмотрено конкретными международными договорами Украины с соответствующими государствами, обязательные процедуры, влекущие за собой обязательные решения для рассмотрения споров, касающихся делимитации морских границ, споров, связанных с историческими заливами или правооснованиями, а также *споров, касающихся военной деятельности* [курсив автора – П.Г.]»²³.

В 1997 г. то же самое сделала и сама Россия, заявив, что: «в соответствии со статьей 298 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву» она «не принимает процедуры, предусмотренные в разделе 2 части XV Конвенции, влекущие за собой обязательные решения в отношении споров, касающихся толкования или применения статей 15, 74 и 83 Конвенции, касающихся делимитации морских границ или имеющих отношение к историческим заливам или правооснованиям; *споров, касающихся военной деятельности, включая военную деятельность государственных судов и летательных аппаратов* [курсив автора – П.Г.], и споров, касающихся деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции; и споров, в отношении которых Совет Безопасности Организации Объединенных Наций осуществляет функции, возложенные на него Уставом Организации Объединенных Наций».²⁴

Соответственно, с точки зрения России, Международный трибунал по морскому праву не обладает юрисдикцией по рассмотрению иска Украины, так как этот спор полностью касается «военной деятельности». В подтверждение своей аргументации Россия указывала на то, что сама Украина на всех возможных площадках – в СБ ООН, ОБСЕ, ЕСПЧ и т. д. – неоднократно заявляла о незаконном применении силы против нее, фактически об акте агрессии. В связи с этим Киев утверждал, что имеет полное право задействовать положения статьи 51 Устава ООН.²⁵

Более детально позиция РФ была изложена в особом мнении судьи Р.А.Колодкина,²⁶ который представлял интересы России в Международном трибунале по морскому праву. Оно строилось на том, что возникший между двумя странами конфликт никак не касается спора о разных интерпретациях правил прохода через Керченский пролив, а суть украинского иска не может быть сведена к вопросу о задержании катеров и их иммунитете. Наоборот, участие в инциденте военных кораблей с обеих сторон, сам факт применения оружия с российской стороны и зафиксированные в бортовом журнале украинского катера боевые задачи свидетельствовали именно о «военной деятельности». Отмечалось, что по каким-то причинам Украина в течение четырех месяцев с момента инцидента никак не акцентировала внимание международной общественности на нарушении

иммунитета военных кораблей и военно-вспомогательных судов, находящихся на государственной некоммерческой службе. Напротив, украинская сторона высказывала в адрес России обвинения в раздувании вооруженного конфликта. Задержанные моряки рассматривались как «узники войны», и Киев требовал применения по отношению к ним норм и положений международного гуманитарного права.

В конечном счете, российское видение событий ноября 2018 г. сводилось к следующему. Обнаружение Россией украинских катеров, слежение за ними, ведение переговоров и вынесение соответствующих предупреждений осуществлялось в рамках деятельности по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции ("Law Enforcement Activity"). В ходе же блокирования, погони и остановки украинской группы с привлечением сил и средств ВМФ России налицо был факт осуществления военной деятельности. Затем в ходе задержания и ареста украинских катеров и их команд Россия снова осуществляла деятельность по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции. При этом деятельность украинских команд, по мнению РФ, изначально и полностью представляла собой «военную деятельность». Хотя судья Р.А.Колодкин признавал, что данный конфликт представлял собой, скорее, «морское столкновение» либо «пограничный инцидент», чем прямое вооруженное столкновение, т. е. произошедшее не может сводиться лишь к "Law Enforcement Activity".²⁷

IV. Решение Международного трибунала по морскому праву

Хотя Международный трибунал по морскому праву нельзя считать ангажированным судебным органом, принимаемые им к производству дела в ряде случаев оказываются в той или иной степени политизированными.²⁸ К таким случаям можно отнести и повышенную заинтересованность трибунала в рассмотрении иска Украины по введению временных мер при неготовности учитывать российскую ссылку на положения статьи 298 и обстоятельства «военной деятельности», из которых вытекала неправомотность трибунала рассматривать иск.

В результате трибунал заключил, что для того, чтобы та или иная деятельность считалась «военной», недостаточно того факта, что в ней участвовали военные корабли.²⁹ Так, проход военных кораблей сам по себе еще не составляет «военной деятельности», поскольку в Конвенции 1982 г. существуют такие режимы прохода, как мирный и транзитный, одинаково применимые как к гражданским, так и к военным судам.³⁰ Хотя в ходе инцидента и применялось оружие, спор между Украиной и Россией был квалифицирован не как военный, а исключительно как проблема разной интерпретации правил прохода через Керченский пролив. Применение силы с российской стороны в ходе задержания украинских катеров было квалифицировано трибуналом не как военная деятельность, а как "Law Enforcement Activity". В качестве подтверждения этому приводились предъявленные Россией украинским морякам обвинения в незаконном пересечении государственной границы РФ и нарушении законов и правил прибрежного государства в рамках статьи 30 Конвенции 1982 г.³¹

Трибунал вынес решение о введении временных мер на том основании, что существует потенциальный риск нанесения непоправимого вреда/ущерба украинской стороне и что само задержание украинских моряков и ограничение их

свобод является гуманитарной проблемой. В результате 19 голосами «за» и одним голосом «против» (судья Р.А.Колодкин) трибунал предписал:

- незамедлительно освободить украинские катера, буксир и 24 задержанных моряков и вернуть их на Украину;

- России и Украине воздержаться от осуществления каких-либо действий, которые могли бы обострить существующий между ними спор, и представить до 25 июня 2019 г. доклады об исполнении решений трибунала.³²

Единственным условным достижением РФ стало решение трибунала относительно уголовного преследования украинских моряков: «Трибунал не считает необходимым требовать, чтобы Российская Федерация приостановила уголовное преследование 24 задержанных украинских военнослужащих и воздержалась от возбуждения нового дела».³³

Как известно, российская сторона не стала освобождать к 25 июня 2019 г. ни катера, ни моряков. В связи с этим Украина заявила о том, что Россия не только не выполнила предписания трибунала, но и своими действиями усугубляет ситуацию.³⁴ Однако, судя по имеющимся документам,³⁵ российская сторона все-таки предлагала Украине приемлемую для себя модель освобождения катеров и их команд, а именно их освобождение под письменные гарантии участия украинских моряков в судебном разбирательстве.³⁶ Очевидно, что такой вариант был изначально неприемлем для украинской стороны.³⁷

В итоге все закончилось так, как и предписывал трибунал, но по прошествии более длительного времени, а главное, в принципиально ином формате. Украинские моряки были освобождены не в одностороннем порядке, а в рамках произошедшего 7 сентября 2019 г. между Россией и Украиной обмена удерживаемыми лицами.³⁸ 18 ноября 2019 г. Россия передала Украине удерживаемые ею корабли на том основании, что следственные действия с ними завершены и их нахождение на территории Российской Федерации не является необходимым.³⁹ С формальной точки зрения, это было не исполнением предписаний трибунала, а, скорее, жестом доброй воли со стороны Российской Федерации.

V. Статья 298 и ее избирательное применение

Следует отметить, что именно положения статьи 298 Конвенции 1982 г. являются своеобразным компромиссом между предусмотренными конвенцией механизмами и процедурами урегулирования споров, с одной стороны, и вопросами, связанными с государственным суверенитетом, с другой.⁴⁰ Для многих государств отсутствие статьи 298 могло бы стать основанием не присоединяться к Конвенции 1982 г., наличие же этой статьи было направлено на сохранение универсальной роли этого международного соглашения и на воспрепятствование фрагментарному исполнению его норм и положений. Показательно, что заявления в рамках статьи 298 в свое время сделали около 20 государств, включая, помимо РФ, Австралию, Анголу, Аргентину, Беларусь, Великобританию, Испанию, Италию, Канаду, Мексику, Португалию, Таиланд, Украину, Францию, Чили и Южную Корею.

Не являясь участниками конвенции, США, тем не менее, сформулировали свою позицию на случай ее ратификации. Вашингтон заявил, что не согласен применять обязательные процедуры конвенции по урегулированию тех споров, категории которых перечислены в статье 298. Для других категорий споров США выбрали Специальный арбитраж (для тех случаев, в которых он применим) и Арбитраж (для всех остальных споров). Особый упор был сделан на том, что США

сами будут определять, может ли тот или иной вид деятельности быть причислен к «военной деятельности» или «военным действиям» и что их определение не подлежит пересмотру. Также было оговорено, что проведение всех видов разведывательной деятельности на море является осуществлением военной деятельности, а значит, к ней также не могут быть применимы конвенционные механизмы урегулирования споров.⁴¹

Соответственно, для США любое избирательное применение положений статьи 298, ослабление ее значимости или ее фактическое игнорирование – это создание крайне опасного прецедента, который может прямо затронуть американские национальные интересы. Например, принимая во внимание те или иные регулярные американские мероприятия в разных районах Мирового океана (от демонстрации флага до военно-морских учений и маневров в рамках американской программы свободы навигации (“Freedom of Navigation” / FON), США крайне невыгодно допускать даже потенциальную возможность подпадания своих действий под юрисдикцию международных судебных инстанций.⁴²

Согласно нынешней логике решений Международного трибунала по морскому праву, может возникнуть спор о том, является ли деятельность в рамках американской программы FON: (а) военной, а значит выходящей за рамки юрисдикции трибунала; (б) связанной с вопросом, касающимся исключительно права мирного прохода через территориальное море; (в) связанной с вопросом осуществления свободы судоходства в пределах исключительной экономической зоны (ИЭЗ). В таком случае спор будет однозначно решен не в пользу первого варианта. Кроме того, любые разведывательные и наблюдательные операции США или сбор ими информации о конкурентах и потенциальных противниках могут расцениваться другими странами как нарушение режима проведения морских научных исследований, осуществление которых требует получения предварительного разрешения со стороны прибрежного государства. В таком случае трибунал мог бы прийти к выводу о том, что ситуация должна квалифицироваться не как исключенный из его юрисдикции спор о военной деятельности, а как проблема различных интерпретаций конвенционного режима морских научных исследований.

В этой связи неудивительно, что ряд американских экспертов⁴³ посчитали подачу Украиной иска в Международный трибунал по морскому праву необдуманным шагом. По их мнению, трибунал как орган, созданный Конвенцией ООН по морскому праву, является институтом, призванным рассматривать споры мирного времени. В мирное же время военные корабли обладают полным иммунитетом от остановки, преследования и задержания, а также правом мирного прохода через территориальное море прибрежного государства. За нарушение правил мирного прохода через территориальное море прибрежное государство – в данном случае, Российская Федерация – может лишь потребовать от военных кораблей покинуть пределы территориального моря.

В условиях же применения силы и обстрела украинской военно-морской группы речь потенциально могла идти уже не о нарушении норм и положений Конвенции 1982 г., а о прямом акте агрессии со стороны России. Такая трактовка событий, по мнению американских экспертов, предполагает, что в данном случае действуют не положения Конвенции 1982 г., а правила ведения морской войны (Law of Naval Warfare).⁴⁴ В качестве подтверждения данной трактовки может использоваться тезис о вовлеченности России и Украины в международный вооруженный конфликт (International Armed Conflict) даже несмотря на то, что Москва отрицает его наличие. В данном случае должно применяться

международное гуманитарное право, в том числе «Руководство Сан-Ремо по международному праву, применимому к вооруженным конфликтам» 1994 г., а украинские моряки должны рассматриваться как военнопленные в рамках Женевской Конвенции об обращении с военнопленными 1949 г.

Парадокс заключался в том, что Украина активно заявляла о вооруженном конфликте и агрессии со стороны Российской Федерации на всевозможных международных площадках (ООН, ОБСЕ, ПАСЕ и др.), но предпочла инициировать иск именно в рамках Конвенции 1982 г. – документа, регламентирующего поведение государств в Мировом океане *в мирное время*. При этом Россия всегда отрицала свое пребывание в состоянии вооруженного конфликта с Украиной, но в данной ситуации, с целью вывести себя из-под юрисдикции трибунала, интерпретировала конфликт как «военную деятельность» с обеих сторон. Сам же трибунал, опираясь на предъявленные Россией обвинения в нарушении государственной границы и национальных правил регулирования судоходства через КЕК, пришел к выводу об отсутствии каких-либо доказательств «военной деятельности», несмотря на то, что в ходе инцидента было применено оружие. Трибунал принял решение трактовать произошедшие события как деятельность по обеспечению соблюдения законов в отношении осуществления суверенных прав или юрисдикции (“Law Enforcement Activity”), споры в отношении которой подпадают под его юрисдикцию, за исключением вопросов, связанных с морскими научными исследованиями и рыболовством. В итоге США ощутили себя стороной, косвенно пострадавшей от такого решения трибунала, посчитав, что оно размывает положения статьи 298 Конвенции 1982 г. и слишком узко интерпретирует «военную деятельность».

VI. Связанные иски

Было бы наивным полагать, что украинская сторона, инициировавшая уже множество исков против России во всевозможных судебных инстанциях,⁴⁵ не воспользуется инцидентом в Керченском проливе для того, чтобы заработать дополнительные политические дивиденды и нанести максимальный репутационный ущерб российской стороне.

Так, 29 ноября 2018 г., т. е. практически сразу после инцидента в Керченском проливе, Украина обратилась в Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) по поводу нарушения Европейской конвенции по правам человека.⁴⁶ Украина просила суд обязать Правительство РФ предоставить информацию о состоянии здоровья 24 задержанных украинских моряков, оказать срочную медицинскую помощь раненым, обращаться с задержанными моряками как с военнопленными в рамках Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными, а также немедленно их репатриировать.⁴⁷ ЕСПЧ, в свою очередь, поставил перед Россией следующие вопросы.

– Являются ли офицеры и служащие украинских военно-морских кораблей «Бердянск», «Никополь» и «Яны Капу» лишенными свободы? Если да, то на каком основании и где они содержатся?

– Может ли Россия подтвердить, что среди офицеров и других членов экипажей трех украинских военных кораблей есть раненые? Если да, то кто они, какие у них травмы, и какое медицинское лечение они получили?

На сегодняшний момент это дело находится на рассмотрении. Принимая во внимание предшествующую практику решений ЕСПЧ и более 4000 исков,

касающихся событий в Крыму и на востоке Украины, вряд ли можно ожидать решения в пользу России.

Важное значение для понимания трактовки Украиной событий ноября 2018 г. имеет еще один иск, поданный украинской стороной в Постоянную палату третейского суда (ППТС) в Гааге еще 16 сентября 2016 г., а именно «Спор относительно прав прибрежного государства в Черном море, Азовском море и Керченском проливе (Украина против Российской Федерации)».⁴⁸

В данном иске Украина настаивает на том, что нормы и положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. полностью применимы к акватории как Азовского моря, так и Керченского пролива.⁴⁹ Напомним, что Россия занимает прямо противоположную позицию; причем вплоть до событий 2014 г. украинская сторона также была склонна придерживаться аналогичной позиции, рассматривая эту акваторию как общие внутренние исторические воды, находящиеся под полным суверенитетом двух государств.⁵⁰ Новый украинский подход на практике означает, что в Азовском море могут быть сформированы предписанные Конвенцией 1982 г. морские зоны суверенитета (территориальное море) и юрисдикции (прилежащая зона, исключительная экономическая зона и соответствующий ей континентальный шельф). Соответственно, Керченский пролив как соединяющий одну часть открытого моря и ИЭЗ (в Черном море) с территориальным морем в другой его части (Азовское море) может рассматриваться как международный. Этот статус предоставляет другим государствам возможность использовать этот пролив в целях осуществления судоходства без согласования как с Россией, так и с Украиной. Более того, такой статус фактически предопределяет нелегитимность действий РФ по ограничению прав Украины в области использования Керченского пролива. Этот подхода уже находил и, вероятно, будет находить поддержку у западных организаций – от ПАСЕ до НАТО.

Украинская сторона считает, что международное морское право не допускает применения статуса внутренних вод к таким акваториям, как Азовское море, по двум причинам. Во-первых, нельзя устанавливать режим внутренних вод к морскому пространству более чем одного государства. Соответственно, рассматривать Азовское море в качестве внутренних вод можно было лишь до распада СССР, а образование двух независимых государств – России и Украины – сделало это невозможным. Во-вторых, отсылки России к исключениям (например, к примеру залива Фонсека),⁵¹ некорректны, так как Азовское море в несколько раз больше по площади таких акваторий.⁵²

Статус внутренних вод был закреплен в ряде российско-украинских соглашений, включая Договор между РФ и Украиной о государственной границе 2003 г. (статью 5) и Договор о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива 2003 г. (статью 1). Эти договоренности были затем подтверждены в Совместном заявлении президентов РФ и Украины по Азовскому морю и Керченскому проливу 2003 г. Несмотря на это, Украина считает, что в данном случае речь шла лишь о «пакетной сделке».⁵³ Киев был готов признать статус внутренних вод лишь при условии решения вопроса о проведении границы между двумя государствами, но поскольку такие переговоры успехом не увенчались, никаких обязательств по признанию статуса внутренних вод со стороны Украины нет. Украинская сторона пытается доказать, что все формулировки этих соглашений свидетельствуют лишь о признании предшествующего статуса данных акваторий (во времена СССР), но никак не подтверждают его текущий или будущий правовой режим.⁵⁴

В итоге обвинения украинской стороны сводятся к тому, что именно Россия своими действиями – несогласованным строительством моста,⁵⁵ ограничением судоходства через Керченский пролив и задержанием украинских судов и кораблей – разрушает саму концепцию *общего* хозяйственного и природного комплекса, акватории которого имеют правовой статус внутренних исторических вод *обоих* государств.⁵⁶

Действительно, вхождение Крыма в состав Российской Федерации привело к тому, что воды Керченского пролива, с российской точки зрения, перестали быть внутренними водами России и Украины. Теперь, когда по обоим берегам пролива расположена территория России (Крым и Таманский полуостров), она вправе проецировать государственный суверенитет на всю его акваторию, регулирование судоходства в которой не является предметом международного права, полностью основываясь на нормах и положениях российского законодательства. Позиция Москвы не лишена логики, но исключительно с формальной точки зрения. Россия как никогда заинтересована в сохранении правового статуса Азовского моря и Керченского пролива как внутренних вод России и Украины, но для этого нужна *практика их совместного использования*, а также отсутствие каких-либо дискриминационных мер в отношении прав и интересов Украины на использование этих морских пространств.

21 февраля 2020 г. ППТС опубликовала Решение по предварительным возражениям,⁵⁷ сформулированным Россией. По сути они заключались в том, что ППТС не имеет юрисдикции рассматривать украинский иск, поскольку он изначально касается вопроса о суверенитете над Крымом. Речь шла о том, что любые споры, которые касаются применения и толкования Конвенции 1982 г., при доминирующей (а не вспомогательной) роли вопроса о суверенитете, исключаются из юрисдикции предписанных конвенцией международных судебных инстанций. По мнению российской стороны, вопрос о правах Украины в прилегающих к Крыму морских зонах являлся не главным предметом иска, а, скорее, производной от вопроса о суверенитете над полуостровом. Если Украина не обладает суверенитетом над Крымом,⁵⁸ то украинских морских зон вокруг российского Крыма нет, и Украина не может заявлять о каких-либо нарушениях. Соответственно, в данном случае должен применяться правовой принцип доминирования территории над акваторией (*“land dominates the sea”*).⁵⁹

На первый взгляд, в этом вопросе Россия одержала небольшую победу: ППТС, действительно, признала, что не будет рассматривать вопросы, которые касаются вопроса суверенитета над Крымским полуостровом. Однако, одновременного признания отсутствия юрисдикции по украинскому иску не последовало. В поддержку украинской позиции ППТС подтвердила, что анализ правового статуса акваторий Азовского моря и Керченского пролива будет производиться не на базе тех действующих соглашений между Россией и Украиной, где этот статус де-факто зафиксирован, а исключительно на основе практики использования данных пространств.⁶⁰ ППТС заявила о своем несогласии с российским тезисом об исключении режима внутренних вод из сферы действия Конвенции 1982 г. В данном случае Арбитраж сослался на статью 8(2) Конвенции, которая предполагает, что во внутренних водах, которые до этого не рассматривались как таковые, действует право мирного прохода.⁶¹ ППТС также заявила, что вопрос о применении так называемых исторических правооснований для распространения статуса внутренних вод на указанные акватории будет предметом дальнейшего рассмотрения дела по существу. Таким образом, несмотря на нынешнюю неприменимость норм и положений Конвенции 1982 г. к

Азовскому морю и Керченскому проливу, ППТС сочла возможным рассматривать иск в отношении этих акваторий. Действия РФ, включая инцидент в Керченском проливе, без сомнений, будут являться доказательством того, считает ли Россия эти пространства районом общего использования двух государств или нет.

VII. Рассмотрение дела по существу

Точку в деле о Керченском инциденте ставить пока рано. 1 апреля 2019 г. Украина направила России уведомление о подаче в ППТС искового заявления, касающегося спора о задержании украинских военно-морских кораблей и военнослужащих.⁶² 21 ноября 2019 г. ППТС провела первые технические слушания по делу о нарушении иммунитета трех украинских кораблей и 24 членов их экипажей.⁶³ В ходе слушаний были утверждены положения и график арбитражного разбирательства, а дело получило окончательную формулировку «Спор о задержании трех военно-морских кораблей Украины и членов их экипажей». Через шесть месяцев Украина должна была предоставить свой меморандум по сути иска, после чего российской стороне также предоставлялось шесть месяцев для подготовки своего контрмеморандума или три месяца, в случае выдвижения предварительных возражений,⁶⁴ например, об отсутствии у ППТС юрисдикции по рассмотрению этого иска.

Цель данного разбирательства отличается от цели иска о введении временных мер в Международный трибунал по морскому праву. Как заявила заместитель министра иностранных дел Украины Е.Зеркаль, представляющая интересы своей страны на различных судебных площадках, «...приказ Международного трибунала не был и не является самоцелью. Наша цель – установление нарушения права, восстановления его и получения надлежащей компенсации».⁶⁵ Она провела параллель с известным делом “Arctic Sunrise” (Нидерланды против России),⁶⁶ в котором арбитражный суд признал нарушение Россией Конвенции ООН по морскому праву и обязал выплатить компенсацию в пользу Нидерландов. «Мы также собираемся пройти этот путь и доказать всему миру и арбитражному трибуналу, что проход судов 25 ноября 2018 г. был мирным и законным, а действия Российской Федерации, в том числе по уголовному преследованию наших моряков, – это нарушение норм международного права», – резюмировала Е.Зеркаль.⁶⁷

Пример с “Arctic Sunrise” был приведен неслучайно: Нидерланды как государство флага первоначально обратились именно в трибунал с просьбой об обеспечительных мерах и освобождении судна «Гринпис»,⁶⁸ а затем уже подали иск в ППТС с целью рассмотрения дела по существу.⁶⁹ Нидерланды полагали, что Россия нарушила нормы и положения Конвенции ООН по морскому праву. Москва же заявляла, что международные судебные инстанции не обладают юрисдикцией по рассмотрению нидерландского иска, поскольку данная ситуация касалась исключительно нарушения внутреннего российского законодательства, т. е. реакция России была как раз той самой “Law Enforcement Activity”, которая является основанием для освобождения от международного судебного разбирательства в рамках статьи 298 Конвенции 1982 г. (см. выше). К сожалению, российская сторона не учла одно важное обстоятельство: статья 298(1)(b) позволяет исключать “Law Enforcement Activity” только в том случае, если речь идет о спорах, касающихся проведения морских научных исследований и рыболовства (статья 297(2) и (3)). В случае же с “Arctic Sunrise” нарушение хотя и было налицо,

но касалось зоны безопасности, установленной вокруг платформы «Приразломная».⁷⁰

Россия проигнорировала предписание трибунала о немедленном освобождении судна, несмотря на то, что нидерландская сторона предоставила банковскую гарантию. Экологические активисты были подвергнуты уголовному преследованию по обвинению сначала в пиратстве, а затем в хулиганстве. В итоге они были освобождены из заключения в результате помилования, хотя само задержанное судно оставалось в порту Мурманск вплоть до августа 2014 г. Не признавая юрисдикции ППТС по указанному иску, Россия отказалась участвовать в арбитражном разбирательстве, ссылаясь на положения статьи 298 Конвенции 1982 г. Однако это не помешало ППТС вынести решение в пользу Нидерландов и затребовать у России компенсации нанесенного ущерба за задержание судна, арест 30 человек и неисполнение распоряжения трибунала.⁷¹

Интересно, что в мае 2019 г. Правительство Российской Федерации, не меняя своей правовой позиции по существу, согласилось выплатить половину от присужденной Амстердаму суммы компенсации, подписав совместное заявление о научном сотрудничестве между двумя странами в российской Арктике и урегулировании спора.⁷² Это, безусловно, хороший пример достижения межгосударственного компромисса ради развития дальнейшего сотрудничества и взаимодействия. При этом попытки голландской стороны связать изменение позиции России по делу «Arctic Sunrise» с процессом расследования катастрофы малазийского «Боинга» выглядят спекулятивными.⁷³

Принимая во внимание случай с «Arctic Sunrise», можно предположить, что арбитражное разбирательство о незаконном задержании украинских катеров и их команд, инициированное Украиной против РФ, будет развиваться по такому же сценарию. В его ходе могут быть поставлены крайне острые вопросы, связанные с керченским инцидентом: о «секретности» прохода; о нарушении Украиной права мирного прохода через территориальное море РФ; о правомерности закрытия района территориального моря для реализации права мирного прохода и своевременном уведомлении других государств о таком закрытии (в т. ч. через системы навигационных предупреждений НАВАРЕА и НАВТЕКС, а также посредством публикации в «Извещениях мореплавателям»); о легитимности перекрытия КЕК с помощью сухогруза и недискриминационном характере таких действий; о применимости по отношению к Украине российских Правил регулирования судоходства на трассе КЕК; о заходе украинской группы во внутренние воды РФ, которые и до вхождения Крыма в состав России являлись таковыми; о действии в нынешних условиях российско-украинских договоренностей в рамках Соглашения «О сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива» 2003 г.; о нахождении украинских катеров более 8 часов в районе якорной стоянки № 471, расположенной непосредственно перед заходом на трассу КЕК в пределах внутренних вод РФ; о правовых основаниях для задержания украинской группы, направлявшейся курсом на выход за пределы внешних границ территориального моря РФ; о правомерности применения оружия; и наконец, уже рассмотренный выше ключевой вопрос об иммунитете военных кораблей и военно-вспомогательных судов, находящихся на государственной некоммерческой службе, и принципиальной легитимности их задержания за те или иные правонарушения.⁷⁴

VIII. Заключение

Существует ряд ситуаций, когда интересы в области обеспечения национальной безопасности трудно согласовать с соблюдением норм и положений международного, в частности морского, права. Характерным примером является инцидент в Керченском проливе. Жесткие действия российских пограничников, возможно, были вполне оправданными. Однако установление такой оправданности требует серьезной доказательной базы, а не просто предположений, что украинские катера могли быть задействованы в террористической деятельности. Кроме того, в данном случае российское национальное законодательство было поставлено выше норм и положений международного права. Это обстоятельство дает Украине потенциальные возможности выиграть соответствующие иски, поданные ею в те или иные международные судебные инстанции.

Российская Федерация может заявить о своем неучастии в данных судебных процессах, в т. ч. не признавая юрисдикции судов по данным вопросам. Сегодня лишь Международный Суд ООН имеет полномочия обратиться в Совет Безопасности ООН и поставить вопрос о невыполнении его решений. Международный трибунал по морскому праву может лишь лишить страну права выбирать судей в его состав, а ППТС не обладает вообще никакими полномочиями заставить ту или иную страну исполнять ее предписания. Однако в случае проигрыша и неисполнения решений международных судебных инстанций Россия понесет репутационные издержки. Они придутся весьма некстати в контексте периодических российских заявлений о том, что именно РФ выступает за сохранение международного правопорядка, в то время как западные страны попирают нормы и положения международного права.

Вхождение Крыма в состав России принципиальным образом изменило ситуацию в Азовском море и Керченском проливе. Россия де-факто и де-юре имеет право контролировать судоходство в Керченском проливе, как это делала украинская сторона до 2014 г. Более того, для России этот вопрос напрямую связан с тем, кто все-таки обладает суверенитетом над Крымом, и ответ на него для Москвы очевиден. Впрочем, украинская сторона продолжит настаивать на своем и не прекратит попыток оспорить правовой статус Крыма и прилегающих к нему акваторий.

Россия имеет право и, более того, должна реагировать на любые провокации со стороны Украины. Проблема заключается лишь в том, что вплоть до сегодняшнего времени Азовское море и Керченский пролив сохраняют статус внутренних вод общего пользования. Этот статус закреплён в целом ряде двухсторонних договоренностей между Россией и Украиной, и интересам обеих стран отвечает его сохранение. Однако односторонние действия России по ограничению прав Украины в данных акваториях, какими бы интересами обеспечения безопасности они не обосновывались, неизбежно ведут к дискредитации предшествующих договоренностей.

С одной стороны, в российско-украинских соглашениях говорится о том, что никакие односторонние действия не могут изменить правовой статус Азовского моря и Керченского пролива как внутренних вод обеих государств, а все споры между ними должны решаться мирными средствами и путем переговоров. Так, в статье 5 Договора между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе указано, что: «урегулирование вопросов, относящихся к смежным морским пространствам, осуществляется по соглашению между Договаривающимися Сторонами в соответствии с международным правом.

При этом ничто в настоящем Договоре не наносит ущерба позициям Российской Федерации и Украины относительно статуса Азовского моря и Керченского пролива как внутренних вод двух государств».⁷⁵ Согласно статье 4 Договора между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива, «спору между Сторонами, связанные с толкованием и применением настоящего Договора, разрешаются путем консультаций и переговоров, а также другими мирными средствами по выбору Сторон».⁷⁶

С другой стороны, ненадлежащее, по мнению Украины, исполнение положений этих договоров с российской стороны дает Киеву основания задействовать международные судебные инстанции с целью одностороннего пересмотра правового статуса данных акваторий и того, чтобы добиться полного применения к ним норм и положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а значит, способствовать их максимальной интернационализации в интересах третьих стран. Такое развитие событий, вне сомнений, будет всецело поддержано такими внерегиональными государствами, как страны-члены ЕС и НАТО, что не отвечает национальным интересам Российской Федерации. Сохранить сложившийся режим Азовского моря и Керченского пролива Россия без Украины не может, а значит, надо научиться искать компромиссы и договариваться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Определение агрессии. Утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.

² Kraska J. The “ARA Libertad” (Argentina v. Ghana) // The American Journal of International Law. V. 107. № 2. 2013. P. 404–410.

³ Караман И.В. Международный Трибунал по морскому праву: регламентация деятельности и судопроизводство. – Одесса: Феникс, 2007.

⁴ International Tribunal for the Law of the Sea (ITLOS) Case № 20. The “ARA Libertad” Case (Argentina v. Ghana). URL: <https://www.itlos.org/cases/list-of-cases/case-no-20>.

⁵ Вылегжанин А.Н., Чурилина Н.А. Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государств // Московский журнал международного права. 2015. № 2. С. 35–51.

⁶ Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. The “Ara Libertad” Case (Argentina v. Ghana). List of Cases: № 20. ITLOS Provisional Measures Order of 15 December 2012. § 44. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no.20/published/C20_Order_151212.pdf.

⁷ Ibid. § 46.

⁸ Ibid. § 55.

⁹ Joint Separate Opinion of Judges Wolfrum and Judge Cot. ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no.20/published/C20_Wolfrum_Cot_151212.pdf.

¹⁰ Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. The “Ara Libertad” Case (Argentina v. Ghana). Op. cit. § 94.

¹¹ Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права. Государство и право. 2012. № 6. С. 81–83.

¹² Kraska J. The “ARA Libertad” (Argentina v. Ghana) // The American Journal of International Law. V. 107. № 2. 2013. P. 408.

¹³ Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. The “Ara Libertad” Case (Argentina v. Ghana). Op. cit. § 97.

¹⁴ Territorial Sea and Contiguous Zone. United Nations Convention on the Law of the Sea: A Commentary / Ed. by A.Proelss. – München: Nomos Verlagsgesellschaft, 2017. P. 247.

¹⁵ Временные меры – меры, предполагающие, что обе стороны спора воздерживаются от любых действий, которые могут усугубить судебное разбирательство или затруднить его разрешение. Фактически, речь идет о заморозке конфликтной ситуации до вынесения решения суда/трибунала.

¹⁶ Case concerning the detention of three Ukrainian naval vessels (Ukraine v. Russian Federation). Verbatim Record. ITLOS/PV.19/C26/1/Rev.1. ITLOS. P. 11. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/ITLOS_PV19_C26_1_Rev.pdf.

¹⁷ Request of Ukraine for the prescription of provisional measures under article 290, paragraph 5, of the United Nations Convention on the law of the sea. 16 April 2019. ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/01_Request_of_Ukraine_for_Provisional_Measures.pdf.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Договор между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. 24 декабря 2003 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1795>.

²⁰ Про затвердження Правил плавання суден Керч-Снікальським каналом і підхідними каналами до нього. Наказ Міністерства транспорту України від 9 жовтня 2002 року № 721. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/REG7261.html.

²¹ Министерство транспорта Российской Федерации. Приказ от 21 октября 2015 г. № 313 «Об утверждении Обязательных постановлений в морском порту Керчь». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420312576>.

²² Case concerning the detention of three Ukrainian naval vessels (Ukraine v. the Russian Federation), provisional measures Memorandum of the Government of the Russian Federation. 7 May 2019. ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/Memorandum.pdf.

²³ Declarations and Reservations. Ukraine. UNCLOS. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=en#EndDec.

²⁴ Declarations and Reservations. Russian Federation. UNCLOS. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=en#EndDec.

²⁵ Case concerning the detention of three Ukrainian naval vessels. Op. cit.

²⁶ Dissenting opinion of Judge Kolodkin. ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/C26_O25.05_DO_RK.pdf.

²⁷ Ibid.

²⁸ «Дело “Arctic Sunrise” было очень политизированным». Интервью Владимира Голицына, Президента Международного трибунала ООН по морскому праву // Zakon.ru. 31.10.2014.

-
- ²⁹ Case concerning the detention of three Ukrainian naval vessels (Ukraine v. Russian Federation), Provisional measures. Tribunal prescribes provisional measures ordering the Russian Federation to release three Ukrainian naval vessels and their 24 servicemen. ITLOS Press-release no. 284. 25 May 2019. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/press_releases_english/PR_284_En.pdf.
- ³⁰ Case concerning the detention of three Ukrainian naval vessels. Op. cit. § 68.
- ³¹ Ibid. § 73–74.
- ³² Ibid. § 124.
- ³³ Ibid. § 119.
- ³⁴ Ministry of Foreign Affairs of Ukraine. Letter re: Dispute Concerning the Detention of Three Ukrainian Naval Vessels. ITLOS Case No. 26. 25 June 2019. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/C-26-UA_Report_on_Compliance.pdf.
- ³⁵ Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation Letter, 25 June 2019. ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/Note_Verbale_Foreign_Ministry_of_Russia_25.06.2019.pdf.
- ³⁶ Ministry of Foreign Affairs of Ukraine. Letter re: Dispute Concerning the Detention of Three Ukrainian Naval Vessels. Op. cit.
- ³⁷ Климкин заявил о предложении России освободить украинских моряков до суда // Kommersant.ru. 17.04.2020.
- ³⁸ Россия и Украина проводят обмен задержанными. Хронология событий // Независимая газета. 07.09.2019.
- ³⁹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с передачей Украине военных кораблей, задержанных в ноябре 2018 года в ходе провокации Киева в районе Керченского пролива. 18.11.2019. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3902958.
- ⁴⁰ Zou K., Ye Q. Interpretation and application of Article 298 of the Law of the Sea Convention in recent Annex VII Arbitrations: an appraisal // Ocean Development and International Law. V. 48. № 3-4. 2017. P. 331–344.
- ⁴¹ Roach A., Smith R. Excessive Maritime Claims. 3^d ed. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012. P. 794–795.
- ⁴² Kraska J. Did ITLOS just kill the military activities exemption in Article 298? // EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law. 27.05.2019. URL: <https://www.ejiltalk.org/did-itlos-just-kill-the-military-activities-exemption-in-article-298>; Idem. The Kerch Strait incident: Law of the Sea or Law of Naval Warfare? // Ibid. 03.12.2018. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-kerch-strait-incident-law-of-the-sea-or-law-of-naval-warfare>.
- ⁴³ Kraska J. Did ITLOS just kill the military activities exemption in Article 298? Op. cit.; Idem. The Kerch Strait incident: Law of the Sea or Law of Naval Warfare? Op. cit.
- ⁴⁴ Law of Naval Warfare. URL: <https://www.history.navy.mil/research/library/online-reading-room/title-list-alphabetically/law-naval-warfare-nwip-10-2-1955/law-naval-warfare-chapters-1-6.html>.
- ⁴⁵ Nuridzhanian G. Ukraine vs. Russia in international courts and tribunals // EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law. 09.03.2016. URL: <https://www.ejiltalk.org/ukraine-versus-russia-in-international-courts-and-tribunals>.

⁴⁶ Украина пожаловалась на Россию в ЕСПЧ из-за инцидента в Черном море // Росбизнесконсалтинг (РБК). 30.11.2018.

⁴⁷ ECHR puts questions to Russian Government after receiving new inter-State case from Ukraine concerning events in the Sea of Azov. European Court of Human Rights no. 412 (2018). 30.11.2018.

⁴⁸ Dispute concerning the detention of Ukrainian naval vessels and servicemen (Ukraine v. the Russian Federation). Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/229>.

⁴⁹ PCA Case no. 2017-06 in the matter of a dispute concerning coastal state rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait before an Arbitral Tribunal constituted under annex vii to the 1982 United Nations Convention on the law of the sea between Ukraine and the Russian Federation. Rejoinder of Ukraine on jurisdiction. Permanent Court of Arbitration, 28 March 2019. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2620>.

⁵⁰ Гудев П.А. Азовское море и Керченский пролив: проблемы делимитации морских пространств и определения правового статуса // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 10. С. 91–102.

⁵¹ Николаев А.Н., Соколова Е.Л. Статус залива Фонсека (по материалам Международного Суда ООН) // Московский журнал международного права. 2013. № 4. С. 89–97.

⁵² PCA Case no. 2017-06 in the matter of a dispute concerning coastal state rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait. Op. cit. § 53–57.

⁵³ Ibid. § 73–79.

⁵⁴ Ibid. §79–83.

⁵⁵ Мост в Крым мешают строить обычаи. Почему нельзя строить мост в Крым без разрешения Украины // Gazeta.ru. 12.01.2015.

⁵⁶ PCA Case no. 2017-06 in the matter of a dispute concerning coastal state rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait. Op. cit. § 88–90.

⁵⁷ PCA Case no. 2017-06 in the matter of an Arbitration before an arbitral tribunal constituted under annex VII to the 1982 United Nations Convention on the law of the sea between Ukraine and the Russian Federation in respect of dispute concerning coastal state rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait. Award concerning the preliminary objections of the Russian Federation. Permanent Court of Arbitration, 21 February 2020. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/9272>.

⁵⁸ Tzeng P. Ukraine v. Russia and Philippines v. China: jurisdiction and legitimacy // Denver Journal of International Law and Policy. V. 46. № 1. 2017. P. 1–19.

⁵⁹ Jia B.B. The principle of the Domination of the land over the sea: a historical perspective on the adaptability of the Law of the Sea to new challenges // German Yearbook of International Law. V. 57. 2014. P. 1–32.

⁶⁰ PCA Case no. 2017-06 in the matter of an Arbitration. Op cit. § 291.

⁶¹ Соответственно, это право может быть применимо в отношении Керченского пролива, а значит, суда и корабли всех государств могут им пользоваться.

⁶² Dispute concerning the detention of Ukrainian naval vessels and servicemen. Op. cit.

⁶³ Dispute concerning the detention of Ukrainian naval vessels and servicemen (Ukraine v. the Russian Federation), the Hague, 2 December 2019. Procedural hearing in Arbitration under Law of the Sea Convention. Permanent Court of Arbitration Press Release. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/5929>.

⁶⁴ PCA Case no. 2019-28 in the matter of Arbitration. Before an arbitral tribunal constituted under annex VII to the 1982 United Nations Convention on the law of the sea Between Ukraine and the Russian Federation in respect of a dispute concerning the detention of Ukrainian naval vessels and servicemen. Permanent Court of Arbitration. Procedural Order no. 1. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/5784>.

⁶⁵ Украина будет судиться с РФ в трибунале по морскому праву несмотря на возвращение кораблей // Европейская правда. 18.11.2019.

⁶⁶ The Arctic Sunrise Arbitration (Netherlands v. Russia). Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/21>.

⁶⁷ Украина будет судиться с РФ. Ук. соч.

⁶⁸ The Arctic Sunrise Case (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation), Provisional Measures. International Tribunal for the Law of the Sea. URL: <https://www.itlos.org/cases/list-of-cases/case-no-22>.

⁶⁹ The Arctic Sunrise Arbitration (Netherlands v. Russia). Op. cit.

⁷⁰ «Дело “Arctic Sunrise” было очень политизированным». Ук. соч.

⁷¹ Арбитражное разбирательство «Арктик Санрайз» (Нидерланды против России) Пресс-релиз. Состав арбитража вынес Решение по существу спора. 24 августа 2015 г. Постоянная палата третейского суда (ППТС). URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2220>; Арбитражное разбирательство «Арктик Санрайз» (Нидерланды против России). Гаага, 18 февраля 2015 г. Дополнительные Заявления Нидерландов. Слушания в Вене. ППТС. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2219>; Арбитражное разбирательство «Арктик Санрайз» (Нидерланды против России). Гаага, 17 июля 2017 г. Состав арбитража выносит Решение о компенсации. ППТС. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2216>.

⁷² Joint Statement of the Russian Federation and the Kingdom of the Netherlands on Scientific Cooperation in the Russian Arctic Region and the Settlement of a Dispute. 17.05.2019. URL: <https://www.government.nl/documents/diplomatic-statements/2019/05/17/joint-statement-of-the-russian-federation-and-the-kingdom-of-the-netherlands-on-scientific-cooperation-in-the-russian-arctic-region-and-the-settlement-of-a-dispute>.

⁷³ Russian-Dutch settlement on Arctic Sunrise is a recognition of international law // Raam op Rusland. 22.05.2019.

⁷⁴ Подробнее см. Киселев И. Инцидент в Керченском проливе. 28 ноября 2018 г. // Livejournal. Иван Киселев. 12.04.2019. URL: <https://ivan-kiselev.livejournal.com/70863.html>.

⁷⁵ Договор между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе. 28 января 2003 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1653>.

⁷⁶ Договор между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. 24 декабря 2003 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1795>.

БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY

1. Arbitrazhnoe razbiratel'stvo "Arktik Sanraiz" (Niderlandy protiv Rossii). Gaaga, 18 fevralia 2015 g. Dopolnitel'nye zaiavlenia Niderlandov. Slushania v Vene. Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2219>.
Арбитражное разбирательство «Арктик Санрайз» (Нидерланды против России). Гаага, 18 февраля 2015 г. Дополнительные заявления Нидерландов. Слушания в Вене. Постоянная палата третейского суда (ППТС). URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2219>.
2. Arbitrazhnoe razbiratel'stvo "Arktik Sanraiz" (Niderlandy protiv Rossii). Sostav arbitrazha vynes Reshenie po sushchestvu spora. 24 avgusta 2015 g. Press-reliz. Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2220>.
Арбитражное разбирательство «Арктик Санрайз» (Нидерланды против России). Состав арбитража вынес Решение по существу спора. 24 августа 2015 г. Пресс-релиз ППТС. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2220>.
3. Case concerning the detention of three Ukrainian naval vessels (Ukraine v. the Russian Federation), provisional measures. Memorandum of the Government of the Russian Federation. 7 May 2019. International Tribunal for the Law of the Sea (ITLOS). URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/Memorandum.pdf.
4. Case concerning the detention of three Ukrainian naval vessels (Ukraine v. Russian Federation). Request for the prescription of provisional measures. ITLOS Order. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/C26_Order_25.05.pdf.
5. Case concerning the detention of three Ukrainian naval vessels (Ukraine v. Russian Federation). Verbatim Record. ITLOS/PV.19/C26/1/Rev.1. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/ITLOS_PV19_C26_1_Rev.pdf.
6. "Delo Arktik Sanraiz bylo ochen' politizirovannym". Interviu Vladimira Golitsyna, Prezidenta Mezhdunarodnogo tribunala OON po morskemu pravu // Zakon.ru. 31.10.2014. URL: https://zakon.ru/discussion/2014/10/31/delo_arctic_sunrise_bylo_ochen_politizirovannym_intervyu_vladimira_golitsyna_prezidenta_mezhdunarodn.
«Дело "Arctic Sunrise" было очень политизированным». Интервью Владимира Голицына, Президента Международного трибунала ООН по морскому праву // Zakon.ru. 31.10.2014. URL: https://zakon.ru/discussion/2014/10/31/delo_arctic_sunrise_bylo_ochen_politizirovannym_intervyu_vladimira_golitsyna_prezidenta_mezhdunarodn.
7. Dissenting opinion of Judge Kolodkin. ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/C26_O25.05_DO_RK.pdf.
8. Dispute concerning the detention of Ukrainian naval vessels and servicemen (Ukraine v. the Russian Federation). Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pca-cpa.org/en/cases/229>.
9. Dogovor mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Ukrainoi o rossiisko-ukrainskoi gosudarstvennoi granitse. 28 ianvaria 2003 goda // Kremlin.ru. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1653>.
Договор между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе. 28 января 2003 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1653>.
10. Dogovor mezhdu Rossiiskoi Federatsiei i Ukrainoi o sotrudnichestve v ispol'zovanii Azovskogo moria i Kerchenskogo proliva. 24 dekabria 2003 g. // Kremlin.ru. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1795>.
Договор между Российской Федерацией и Украиной о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива. 24 декабря 2003 г. // Kremlin.ru. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1795>.

-
11. ECHR puts questions to Russian Government after receiving new inter-State case from Ukraine concerning events in the Sea of Azov. European Court of Human Rights no. 412 (2018). 30.11.2018.
 12. Gudev P.A. Azovskoe more i Kerchenskii proliv: problemy delimitacii morskikh prostranstv i opredeleniya pravovogo statusa // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2018. No. 10. P. 91–102. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-91-102.
Гудев П.А. Азовское море и Керченский пролив: проблемы делимитации морских пространств и определения правового статуса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 10. С. 91–102. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-91-102.
 13. Case concerning the detention of three Ukrainian naval vessels (Ukraine v. Russian Federation), Provisional measures. Tribunal prescribes provisional measures ordering the Russian Federation to release three Ukrainian naval vessels and their 24 servicemen. ITLOS Press-release no. 284. 25 May 2019. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/press_releases_english/PR_284_En.pdf.
 14. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. The “Ara Libertad” Case (Argentina v. Ghana). List of Cases: No. 20. ITLOS Provisional Measures Order of 15 December 2012. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no.20/published/C20_Order_151212.pdf.
 15. The “ARA Libertad” Case (Argentina v. Ghana). ITLOS. Case No. 20. URL: <https://www.itlos.org/cases/list-of-cases/case-no-20>.
 16. Jia B.B. The principle of the domination of the land over the sea: a historical Perspective on the Adaptability of the Law of the Sea to New Challenges // *German Yearbook of International Law*. V. 57. 2014. P. 1–32. URL: <https://iilj.org/wp-content/uploads/2016/09/JiaILJColloq2015.pdf>.
 17. Joint Separate Opinion of Judges Wolfrum and Judge Cot. ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no.20/published/C20_Wolfrum_Cot_151212.pdf.
 18. Joint Statement of the Russian Federation and the Kingdom of the Netherlands on Scientific Cooperation in the Russian Arctic Region and the Settlement of a Dispute. 17.05.2019. URL: <https://www.government.nl/documents/diplomatic-statements/2019/05/17/joint-statement-of-the-russian-federation-and-the-kingdom-of-the-netherlands-on-scientific-cooperation-in-the-russian-arctic-region-and-the-settlement-of-a-dispute>.
 19. Karaman I.V. *Mezhdunarodnyj Tribunal po morskomu pravu: reglamentatsia deiatel'nosti i sudoproizvodstvo*. – Odessa: Feniks, 2007.
Караман И.В. *Международный Трибунал по морскому праву: регламентация деятельности и судопроизводство*. – Одесса: Феникс, 2007.
 20. Kiseliov I. *Intsident v Kerchenskom prolive* // Livejournal. Ivan Kiseliov. 12.04.2019. URL: <https://ivan-kiselev.livejournal.com/70863.html>.
Киселев И. Инцидент в Керченском проливе. 28 ноября 2018 г. // Livejournal. Иван Киселев. 12.04.2019. URL: <https://ivan-kiselev.livejournal.com/70863.html>.
 21. Klimkin zaiavil o predlozhenii Rossii osvobodit' ukrainskikh moriakov do suda // *Kommersant.ru*. 17.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4013625>.
Климкин заявил о предложении России освободить украинских моряков до суда // *Kommersant.ru*. 17.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4013625>.
 22. Comment by the Information and Press Department on the transfer to Ukraine of warships arrested in November 2018 following Kiev's provocation in the Kerch Strait. The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. 18.11.2019. URL: https://www.mid.ru/en/web/guest/kommentarii_predstavitelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3902958.

-
- Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с передачей Украине военных кораблей, задержанных в ноябре 2018 г. в ходе провокации Киева в районе Керченского пролива. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 18.11.2019. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3902958.
23. Kraska J. The “ARA Libertad” (Argentina v. Ghana) // *The American Journal of International Law*. V. 107. No. 2. 2013. P. 404–410.
DOI: <https://doi.org/10.5305/amerjintelaw.107.2.0404>.
24. Kraska J. The Kerch Strait incident: Law of the Sea or Law of Naval Warfare? // *EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law*. 03.12.2018.
URL: <https://www.ejiltalk.org/the-kerch-strait-incident-law-of-the-sea-or-law-of-naval-warfare>.
25. Kraska J. Did ITLOS just kill the military activities exemption in Article 298? // *EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law*. 27.05.2019.
URL: <https://www.ejiltalk.org/did-itlos-just-kill-the-military-activities-exemption-in-article-298>.
26. Law of Naval Warfare. URL: <https://www.history.navy.mil/research/library/online-reading-room/title-list-alphabetically/l/law-naval-warfare-nwip-10-2-1955/law-naval-warfare-chapters-1-6.html>.
27. Министерство транспорта Российской Федерации. Приказ от 21 октября 2015 г. no. 313 “Об утверждении Обязательных постановлений в морском порту Керчь”.
URL: <http://docs.cntd.ru/document/420312576>.
Министерство транспорта Российской Федерации. Приказ от 21 октября 2015 г. № 313 «Об утверждении Обязательных постановлений в морском порту Керчь». URL: <http://docs.cntd.ru/document/420312576>.
28. Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation Letter, 25 June 2019. ITLOS.
URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/Note_Verbale_Foreign_Ministry_of_Russia_25.06.2019.pdf.
29. Ministry of Foreign Affairs of Ukraine. Letter re: Dispute Concerning the Detention of Three Ukrainian Naval Vessels (ITLOS Case No. 26). 25 June 2019.
URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/C-26_-_UA_Report_on_Compliance.pdf.
30. Ministry of Foreign Affairs of Ukraine. Letter re: Dispute Concerning the Detention of Three Ukrainian Naval Vessels (ITLOS Case No. 26). 26 June 2019.
URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/C_-_26_-_UA_Supplementary_Report_on_Compliance_with_annex.pdf.
31. Most v Krym meshaiut stroit' obychai. Pochemu nel'zia stroit' most v Krym bez razreshenia Ukrainy // *Gazeta.ru*. 12.01.2015. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/01/12_a_6365573.shtml.
Мост в Крым мешают строить обычаи. Почему нельзя строить мост в Крым без разрешения Украины // *Gazeta.ru*. 12.01.2015. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/01/12_a_6365573.shtml.
32. Nikolaev A.N., Sokolova E.L. Status zaliva Fonseka (po materialam Mezhdunarodnogo Suda OON) // *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2013. No. 4. P. 89–97.
Николаев А.Н., Соколова Е.Л. Статус залива Фонсека (по материалам Международного Суда ООН) // *Московский журнал международного права*. 2013. № 4. С. 89–97.
33. Nuridzhanian G. Ukraine vs. Russia in international courts and tribunals // *EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law*. 09.03.2016.
URL: <https://www.ejiltalk.org/ukraine-versus-russia-in-international-courts-and-tribunals>.

-
34. Opredelenie agressii. Utverzhdeno rezoliutsiei 3314 (XXIX) General'noi Assamblei ot 14 dekabria 1974 g. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.
Определение агрессии. Утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml.
 35. PCA Case no. 2017-06 in the matter of an Arbitration before an arbitral tribunal constituted under annex VII to the 1982 United Nations Convention on the law of the sea between Ukraine and the Russian Federation in respect of dispute concerning coastal state rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait. Award concerning the preliminary objections of the Russian Federation. 21 February 2020.
URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/9272>.
 36. PCA Case no. 2017-06 in the matter of a dispute concerning coastal state rights in the Black Sea, Sea of Azov, and Kerch Strait before an Arbitral Tribunal constituted under annex VII to the 1982 United Nations Convention on the law of the sea between Ukraine and the Russian Federation. Rejoinder of Ukraine on jurisdiction. 28 March 2019.
URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/2620>.
 37. PCA Case no. 2019-28 in the matter of an Arbitration before an arbitral tribunal constituted under annex VII to the 1982 United Nations Convention on the law of the sea Between Ukraine and the Russian Federation in respect of a dispute concerning the detention of Ukrainian naval vessels and servicemen. Procedural Order no. 1.
URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/5784>.
 38. Press Release dispute concerning the detention of Ukrainian naval vessels and servicemen (Ukraine v. the Russian Federation) the Hague, 2 December 2019. Procedural hearing in Arbitration Under Law of the Sea Convention. Permanent Court of Arbitration. URL: <https://pcacases.com/web/sendAttach/5929>.
 39. Pro zatverdzhennia Pravil plavannia suden Kerch-Enikal's'kim kanalom i pidkhidnimi kanalami do niogo. Nakaz Ministerstva transporta Ukraini vid 9 zhovtnia roku no 721. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/REG7261.html.
 40. Request of Ukraine for the prescription of provisional measures under article 290, paragraph 5, of the United Nations Convention on the law of the sea. 16 April 2019. ITLOS. URL: https://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no_26/01_Request_of_Ukraine_for_Provisional_Measures.pdf.
 41. Roach A., Smith R. Excessive Maritime Claims. 3rd ed. – Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2012.
 42. Rossiia i Ukraina provodiat obmen zaderzhannymi. Khronologia sobytii // Nezavisimaia gazeta. 7.09.2019. URL: http://www.ng.ru/politics/2019-09-07/100_exchange0709.html.
Россия и Украина проводят обмен задержанными. Хронология событий // Независимая газета. 07.09.2019. URL: http://www.ng.ru/politics/2019-09-07/100_exchange0709.html.
 43. Russian-Dutch settlement on Arctic Sunrise is a recognition of international law // Raam op Rusland. 22.05.2019. URL: <https://raamoprusland.nl/dossiers/europa/1297-russian-dutch-settlement-on-arctic-sunrise-is-a-recognition-of-international-law>.
 44. Territorial Sea and Contiguous Zone. United Nations Convention on the Law of the Sea: A Commentary. Ed. by A. Proelss. – München: Nomos Verlagsgesellschaft, 2017.
 45. The Arctic Sunrise Case (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation), Provisional Measures. ITLOS. URL: <https://www.itlos.org/cases/list-of-cases/case-no-22>.
 46. Tzeng P. Ukraine v. Russia and Philippines v. China: jurisdiction and legitimacy // Denver Journal of International Law and Policy. V. 46. No. 1. 2017. P. 1–19.
 47. Ukraina budet sudit'sia s RF v tribunale po morskomu pravu nesmotria na vozvrashchenie korablei // Evropeiskaia pravda. 18.11.2019.

-
- URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2019/11/18/7103156>.
Украина будет судиться с РФ в трибунале по морскому праву несмотря на возвращение кораблей // Европейская правда. 18.11.2019.
URL: <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2019/11/18/7103156>.
48. Ukraina pozhalovalas' na Rossiu v YeSPCh iz-za intsidenta v Chiornom more // Rosbizneskonsalting. 30.11.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/11/2018/5c0141729a794704d358a6ea>.
Украина пожаловалась на Россию в ЕСПЧ из-за инцидента в Черном море // Росбизнесконсалтинг. 30.11.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/11/2018/5c0141729a794704d358a6ea>.
49. UN Convention on the Law of the Sea. Declarations and Reservations. Russian Federation. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en#EndDec.
50. UN Convention on the Law of the Sea. Declarations and Reservations. Ukraine. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetailsIII.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXI-6&chapter=21&Temp=mtdsg3&clang=_en#EndDec.
51. Vylegzhanin A.N., Churilina N.A. Mezhdunarodno-pravovye osnovaniya yurisdiktsionnogo immuniteta gosudarstv // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2015. No. 2. P. 35–51. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-2-35-51.
Вылегжанин А.Н., Чурилина Н.А. Международно-правовые основания юрисдикционного иммунитета государств // Московский журнал международного права. 2015. № 2. С. 35–51. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-2-35-51.
52. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. Mezhdunarodnyi obychai kak osnovnoi istochnik mezhdunarodnogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2012. No. 6. P. 81–83.
Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Международный обычай как основной источник международного права // Государство и право. 2012. № 6. С. 81–83.
53. Zou K., Ye Q. Interpretation and application of Article 298 of the Law of the Sea Convention in recent Annex VII Arbitrations: an appraisal // Ocean Development and International Law. V. 48. No. 3–4. 2017. P. 331–344.
DOI: 10.1080/00908320.2017.1320917.